

«МИЛЫЙ МОЙ — МОЯ УТЕХА»

© Г. В. СУДАКОВ,
доктор филологических наук

Статья посвящена анализу имен существительных и прилагательных — именованний любимого человека в частушках XX века. Оценивается употребительность разных именованний, их лексико-семантические свойства и территория бытования. В качестве источников привлечены оригинальные тексты, записанные в Вологодской области и соседних регионах.

Ключевые слова: частушка, язык фольклора, именованья любимого человека, лексико-семантическая группа, сфера употребления, семантика, этимология.

The article is devoted to the analysis of the nouns — names of a loved one in the chastooshkas of the twentieth century. There is estimated the use of different names, the territory of existence and lexical-semantic properties. As a source was used the original texts of chastooshkas that was recorded in the Vologda region and in neighboring regions.

Key words: chastooshka, the language of folklore, the names of a loved one, lexico-semantic group, sphere of use, semantics, etymology.

Частушка — песенный жанр, функционирующий преимущественно в сельской среде. Основные исполнители частушек — девушки и женщины, но пели и парни. Василий Белов посвятил восторженные слова частушке при описании ночных святочных гуляний в деревне: ребята пели

частушки под балалайку «согласно, неторопливо; ясно, красиво; приятно и по мужскому нежно», а у девушек частушки звучали «тревожно, ласково, счастливо, горько, весело, беззаботно» [1].

Частушка выросла на добротной основе фольклорной традиции: это любовная лирика, плясовая песня и песенки скоморохов. Частушки появляются впервые в пятидесятых годах XIX века и скоро начинают записываться и оцениваться специалистами, так в 1891 году была издана малоизвестная теперь брошюра И.Я. Львова «Новое время, новые песни», посвященная анализу текстов и мелодии частушек — коротких лирических песен [2]. Характерно такое признание современника в начале XX века: «Ныне эти коротенькие песни можно слышать повсеместно на крестьянских беседах, но лет 20—30 назад, по рассказам стариков, о них не было и помину» [3]. Уже первые изданные коллекции частушек поражают своим объемом, например, в сборнике В.И. Симакова 1913 года опубликована 3341 частушка, в нем, кроме ярославских, также есть вологодские частушки из Великоустюгского, Вытегорского и Грязовецкого уездов.

Главная тема первых частушек — отношения между девушкой и парнем, но частушки парней записывались составителями реже, поэтому меньше именованний любимой девушки.

Здесь наблюдается особое богатство речевых презентаций любви как основы нравственной жизни человека [4]. Частушка была и средством реального искреннего любовного признания. Субъект любви не назывался, но зачастую угадывался. Возможность открытого публичного признания в любви сделала частушку популярной в конце XIX века, когда свободнее стали этические нормы в сельском сообществе.

Часто исполнение частушек носит игровой характер, форму театрализации. Частушки исполняются во время гуляний или пляски целыми сериями, что иногда влечет за собою повторение названий основных героев или наоборот — обязательную замену этих наименований синонимами в порядке творческого соревнования исполнителей.

В поле нашего внимания находятся именованния любимого человека в текстах частушек первой половины XX века, когда они были особенно популярны и более лиричны, чем поздние образцы. Этот фрагмент любовного словаря мало исследован. Лексика вологодских частушек ещё не была предметом изучения. В наши задачи входит установить круг именованний любимого человека, выявить семантико-стилистический потенциал и особенности употребления этих слов в зависимости от степени близости влюбленных, проследить, как взаимообусловлены экспрессия названий любимого и содержание частушки. В работах по этой теме подобный комплексный анализ ранее не выполнялся, кроме того, не затрагивались вопросы времени появления и активизации некоторых названий: *дроля*, *залётка*, *золотце*, *краля*, *ухажёр*, *ягодиночка*.

Небольшое семантическое поле частушки требует лаконичных и точных оценок героев. Именование любимого зачастую играло роль смыслового контрапункта в тексте частушки, ведь она наполнена личными переживаниями. Эмоциональная выразительность и драматизм ситуации усиливаются, когда название любимого человека выступает в качестве обращения и при этом повторяются близкие по семантике названия: «Дорогой мой, драгоценный, / *Дорогой забавушка*, / Давай расстанемся с тобой: / Надоела славушка» (Симаков. С. 200). Одновременное употребление нескольких любовных именовании — не редкость в частушках. Именования чаще были однословными: «За *миленочком* гоняюсь, / Как привороженная»; «Погляжу я на окно: / Нет ли *ягодки* мово»; «Ты играй, гармошка нова, / Пока *любущка* здорова» (Гура. С. 121, 131, 148). Есть свои достоинства и в составных именовании: они не только содержали описательную характеристику: «*дорогой ты мой забавочка*» (Симаков. С. 113), но усиливали образность и выразительность: «*Милый мой — моя отрада*» (Симаков. С. 160).

Любовные частушки воспроизводят всю драматургию развития чувства, поэтому с учетом семантики основных именовании можно выделить шесть групп слов и словосочетаний (расположим их по количеству выявленных номинаций): 1) названия, содержащие оценку физических данных как основы любовного чувства: *кряля, красавица, конфетка, ненаглядный, цветок, ягодка*; 2) названия — характеристики душевных качеств любимого человека: *голубь, душечка, хороший*; 3) названия, связанные с игровыми переживаниями: *забава, игровая, куколка, утеха*; 4) названия — оценки иных качеств, значимых для любящего: *дорогой, друг, заветная, золото, кровочка, сударушка*; 5) названия, выражающие чувство сильного сердечного влечения: *дроля, любой, милый* (и однокоренные: *мил, милка, перемилка, миленок, миленочек, милашечка, милашка, милочка, милочек, миленький, милушка*); 6) названия, отражающие силу переживания любящего: *зазноба, ненаглядный, отрада, прияточка, радость моя, сухота*.

Если же расположить эти именовании в соответствии с этапами развития любовного чувства, то вначале будет характеристика внешнего вида героя: «Миленький, усатенький, / В рубашке полосатенькой, / Рубашка шита по канве. / Зачем ты ходишь не ко мне?» (Елеонская. С. 14); «Дроля в беленькой манишке, / Пиджак новый, голубой» (Симаков. С. 81). Затем — оценка речи героя, что подтверждает примету: девушки любят ушами: «Не за кудри полюбила, / Не за белое лицо. / Полестил на разговоры, / Полюбился золотцо» (Симаков. С. 83). И наконец — выражение абсолютной влюбленности и драматичности переживаний: «Тебя, дроличка, в солдатушки. / Мне, девочке, куда? / На реке широка прорубь — / Я голушкой туда» (Гура. С. 155).

Частушка — жанр фольклорный, её речевое наполнение — средства устной речи. Многие названия любимого человека — от глаголов: *дролиться*,

миловаться, забавляться, играть, ухаживать и т.д. При этом набор подобных глаголов неодинаков для разных территорий России: популярные в ярославских местах *залётка* — от *залетать*, *приятка* — от диалектного *приятъ* [5. С. 172] гораздо менее известны на Вологодчине. Вместе с тем частушки легко мигрируют, и в них, как правило, представлена в основном общерусская лексика.

Обратимся к двум наиболее употребительным корневым гнездам с вершинами *мил-* и *люб-*.

Корневое гнездо с вершиной *мил-* сложилось в русском языке в древности. В новгородских берестяных грамотах слова с этим корнем употреблялись как нарицательные и как собственные: Миль, Милята, Милка, Милко, Милость, Милошко, Милогость, Милонегъ, Милославъ [6].

С учетом логики словообразовательных цепочек выявленные лексемы в вологодских частушках располагаются следующим образом: *милка* — *милочка* — *милушка* — *милаша* — *милашка* — *милашечка* — *милаха*; *миленок* — *миленочек*; *миленок* — *миленка*; *мил* — *милий* — *миленький*; *милая* — *милий* (*милой*). Слова на *мил-* часто сопровождаются ласкательными определениями: «Тебе врут, а ты и веришь, / Дорогой милёночек» (Устюжна 1941–45. С. 337).

Милаша, *милашка*, *милочка*, *милушка* — это названия общего рода, остальные имеют более четкую родовую дифференциацию: «Милка, милка, перемилка, / Милка, куколка моя» (Симаков. С. 448); «Полно, полно погуляла / Без меня милашечка» (Устюжна-4. С. 304); «Никому я не поверю, / Что не жаль миленочка» (Бурцев. С. 38); «Всем бы милушка хорош, / Только ростом маленький» (Гура. С. 141).

Слова с корнем *люб-* появились поздно и, вероятно, под влиянием авторской лирической песни. Первоначально же было только *любой*, *любушка* в значении «тот, кто больше всех люб, кто больше приглянулся» или в сочетаниях типа *любимый дряля*: «Я любее тебя, дрялочка, нигде не нахожу»; «До чего *любому* рада: / В избу двери отворю, / Он со мной не заговорит, / Так сама заговорю» (Симаков. С. 16, 26, 173); «Нелюбого-то чужого / Полюбить заставили. / А любого дорогого / Сиротой оставили» (Там же. С. 356); «И на ближнего товарища / Надеяться нельзя: / И мою красотку — *любушку* / Отбил он от меня» (Там же. С. 181). Слово *любушка* стало народно-поэтическим, оно употребляется для выражения особой привязанности. Не принятое в любовном этикете употребление слова *любимая* заменяется окказиональным *любовная*: «Я своему-то дорогому / Завсегда *любовная*» (Симаков. С. 30). Слово *любимый* вырывается в драматической ситуации, когда девушку против ее воли выдают за нелюбимого: «В сто раз лучше девушке / Выйти за любимого» (Симаков. С. 323).

Теперь обратимся к хорошо зафиксированным в течение первой половины XX века циклам устюженских частушек, чтобы сравнить употребление слов с корнем *мил-* в отношении к другим номинациям.

В 1908–1917 годах (Устюжна-4: 141 частушка). по употребительности первые места занимают слова с корнями *мил-*, *дрол-*, *дорог-*. По отношению к парню использовано 16 разных названий из них: *милый* – 27, *миленок* – 10, *милой* – 5. По отношению к девушке использовано 5 номинаций: *сударушка* – 2, по одному разу – *дорогая*, *милашка*, *милашечка*, *миленка*.

Сравним данные из вологодских частушек других уездов: великоустюгские, вытегорские, грязовецкие (записи Симакова 1880–1910 годов). Преобладают названия с корнем *–мил-*: мужские *милый* – 99, *миленок* – 17, *миленочек* – 14, *миленький* – 11; женские *мила* – 18, *милашка* – 9, по 8 – *милая*, *милушка*, *милашечка*, *милочка* – 6. Далее идут слова *дроля* – 92, *дролечка* – 38 (женские варианты *дроля* – 2, *дролечка* – 1). *Дорогой* – 15 употреблений, а *дорогая* – 5. На четвертом месте по употребительности *друг* – 13, отмеченное только в номинациях мужчин. Затем идут слова *игровой* – 8 (женская номинация *игровая* – 1 употребление). Слова с корнем *хорош-* занимают шестое место *хороший*, *расхорошенький* – по 3; *хорошая* – 5. *Любой* и *золотцо* употреблены по 9 раз.

В 1920–1930-е годы в частушках (Устюжна-1: 34 частушки; Устюжна-3: 128 частушек) наиболее употребительны слова с корнями *мил-*, *ягод-*, *дрол-*. Именования любимого парня: 39 употреблений приходится на слова *милый-милой*, *миленький*, *милёнок*, *миленочек*; *ягодиночка* – 9, *дорогой* – 6. Любимая девушка названа так: *мила* – 2, по одному разу *милая*, *милочка*, *милаха*, *милаша*, *милашечка*. В этой коллекции частушек преобладают слова с корнем *мил-* (24), слова с корневой доминантой *ягод-* занимают второе место (13), слов с корнем *дрол-* всего 3.

С этими данными можно сопоставить факты из рукописного «Частушечника» 1925 года, хранящегося в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике (зафиксировано 1075 частушек): здесь из мужских именований «...в большинстве частушек употребляются слова *милый*, *милёнок*, *милеша*, *игривенький*, *дроля*», а из женских – «*мила*, *мила*, *милашечка*, *сударушка*» [7. С. 153]. Кроме того, в кирилловских частушках отмечено отсутствующее в устюженских текстах мужское именование *игровой* (*игровый*): «У кого *игровых* нет, / Заявляйте в комитет. / В комитете разберут. / По *игровому* дадут» [Там же. С. 146]. Для восточной части Вологодчины *игровый* известен и в начале XX века: «Увижу серова кота, / Тебя, *игровый*, никогда» (Симаков. С. 168).

В 1941–45 годах (Устюжна-4: 134 частушки) и в 1940–1950-е годы, (Устюжна-3: 108 частушек) отметим наиболее частотные от корней: *мил*–50, *ягод* – 49, *залёт* – 31. При назывании любимого использовано 18 номинаций, любимой – только *милая подруга*, *сударушка*.

Таким образом, в устюженских частушках с двадцатых годов начинают употребляться лексемы *ягодина* – *ягодиночка*, *дроля*, *забава* – *забавочка*; в годы Великой Отечественной войны активизируются именованья *ягодиночка*, *милаша* – *милушка*, *залётка* – *залёточка*, *ухажёр* – *ухажёрник*.

В вологодских частушках второй половины XX века преобладает пара *милый* – *милая* со своими однокоренными: «Без тебя, мой дорогой, / Без тебя, мой милый, / Без тебя, хороший мой, / Белый свет – постылый» (Ехалов. С. 4); «Мой милёнок, я – твоя, / Куда хошь девай меня»; «У меня милаша маленький, Как зернышко в овсе» (Там же. С. 10); «Милка – лебедь, милка – лебедь, / Милка – славный человек» (Там же. С. 13).

Рассмотрим несколько других именовании.

Слово *друг*, употребляемое чаще по отношению к мужчине, фиксируется в сочетании *друг сердечный* и в форме диминутива *дружок*: «Я сидела на лужку, Писала тайности дружку. / Я писала тайности / Про любовны крайности» (Гура. С. 155).

Употребляемые по отношению к парню и девушке (первоначально только о парне) слова *дроля*, *дролечка*, *дролёночек*, *дроле(и)нька*, *дролюшка* являются диалектными и значат «человек, к которому испытывают привязанность, любовь». Возможно отглагольное происхождение этих слов: *дролиться* – «иметь любовные отношения с кем-либо; гулять, проводить время с любимым» [5. С. 171; 5. Вып.8 С. 199], но допустимо и обратное соотношение: глагол возник из существительного. Основное в этом ряду *дроля* стало словом преимущественно «частушечным», обозначающим чаще всего любимого. Вот текст, где подчеркнуто, что *дроля* – это именование неженатого парня: «...у жен мужей, у девок дrolечек / В Германию увез» (Судаков). В другой частушке *дроля* – это девушка: «Я пришел на посиденку/ Моя дроля занята» (Симаков. С. 35). П.А. Дилакторский в 1902 году отмечал это слово в Вологодском, Кадниковском, Тотемском, Никольском уездах [9. С. 112]. Диалектологи фиксируют его появление в говорах в начале XX века, см. примеры: «Где мы с дrolечкой стояли, / Снег протаял до земли» [8. С 198–199]. «Дrolечка бессовестной / Подговаривал весной. / Теперь осень настает, / Дроля вовсе отстает» (Елеонская. С. 101). В вологодских текстах нет производных *дролька*, *дроха*, зафиксированных в ярославских говорах. Однозначной этимологии корень *drol-* не имеет: в русских говорах это «любимый – любимая», у южных славян слово негативно характеризует женщину [10. Вып. 5. С. 124–125].

Забава, *забавочка* входят в ряд именовании, в которых учитывается семантический компонент игры «тот, кто развлекает, веселит»; судя по текстам, употребляется чаще при номинации парня: «Посидела бы с забавочкой, / Да смелости-то нет» (Симаков. С. 85); «Забава, серые глазёночки, / Люби, не обмани» (Устюжна, 1941–45: С. 337). По Дилакторскому, уже в 1896 г кадниковское *забавочка* – это «девушка, которая пришлась парню по сердцу» [9. С. 137], в этом значении отмечено в Новгородской, Псковской, Ленинградской областях [8. Вып. 9. С. 240].

Сюда же примыкает и родовая пара *игровой* – *игровая*, но с преобладанием мужского варианта: «Был игровой в посиденке, / Посидеть не удалось»; «Дроля, аленький цветочек, / Я – игровая твоя» (Симаков. С. 17, 21, 82),

отмечен и уменьшительный вариант *игровенький* (Бурцев. С. 22). Эти слова зафиксированы в вологодских, новгородских, псковских, тверских и ярославских говорах [8. Вып. 12. С. 73].

Слова *кровинка*, *кровочка*, *кровиночка*, *кровинушка* подчеркивают взаимность любовных чувств, особую близость героев друг к другу. Силу переживания влюбленного выражает слово *зазноба* – *зазнобушка*. Слово стало просторечным и устаревшим, оно обладает высокой экспрессивностью, ср. исходный глагол *знобить* «болезненно ощущать холод, лихорадить» [11. С. 25]. С той же целью употребляются лексемы *сухота*, *сухотинка*, *сухотиночка*, близкие по семантическому компоненту «болезненное любовное переживание»: «Сухота ты моя, золото, / Оставил на кого» (Бурцев. С. 28); «Сизый, сизый голубочек, / Научи меня летать. / Не высоко, не далёко – / Сухотинку увидеть» (Гура. С. 150).

При обращении к женщине употребляются подчеркивающие красоту возлюбленной слова *кряля*, *крялечка*. *Кряля* «*королева*» – слово западнославянского происхождения. Польское *krala* «королева». См. примеры: «Уж ты милая моя, / Кряля дорогая» (Симаков. С. 131); «Ах ты, милая моя, / Кряличка червоная» (Елеонская. С. 120). Русские *красавица*, *красотка* подчеркивают внешнюю красоту более выразительно: «Ты играй, гармошечка, / Играй, раззолоченная. / Ты встречай, красоточка, / Красотка чернобровая» (Симаков. С. 2; Елеонская. С. 121). *Цветок* – *цветочек* также выражают идею красоты любимого человека: «Не говори, цветочек, дома, / Что я тоненька горазд» (Симаков. С. 201).

Промелькнули и редкие *фартовый* – *фартовая*, модные в криминальном жаргоне с начала XX века: «Закури, фартовый мой, / За спичкам сбегаю домой, / Для такого молодца / Спичек много у отца»; «У него фартовая / На примете новая»; / Милый новую припас, / А мне, девушке, отказ» (Симаков. С. 85, 291).

Отглагольные образования просторечного характера *ухажёр* – *ухажёрник* [11. С. 538], проникшие в частушки в годы Великой Отечественной войны, чаще относятся к мужскому полу и употребляются только в описательных конструкциях, в качестве обращения не употребляются: «Скоро наши ухажёрники / С победушкой придут» (Устюжна. 1941–45. С. 330); вариант женского рода: «Задушевная подруга, / ему нечего искать, / ему стара ухажёрка / стала снова напевать»; «Поиграй повеселее, / неужели тебе лень? / Неужели ты боишься / ухажёрочки своей?» (Устюжна, 1940–1950 гг. С. 469). А вот лексемы *сударка*, *сударушка* (от *сударь*) имели отношение только к женскому полу: «Знаю, Колину сударушку / Ориною зовут» (Устюжна, 1941–45. С. 336); ср. отмеченное еще Симаковым в 1913 году: «Разбужу свою сударку, / Старопрежнюю свою» (Симаков. С. 4).

Названия *прияточка*- *приятка* «возлюбленный, возлюбленная» носили диалектный характер: «Чем-нибудь перефоршу / прияточку игровую» (Симаков. С. 135). Они были более характерны для ярославских говоров:

«Ты, пряточка, пряточка, / Расподлая душа, / С другой девочкой гуляешь, / Чем же я не хороша» (Елеонская. С. 17).

В частушках используются не только традиционные модели с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*судар-ушк-а, дрозл-ечк-а, мил-ёночек, хорош-еньк-ий*), с усилительными приставками (*рас-хороший,*), но и неологизмы: *сухотинка, пряточка*.

Анализ основных именовании любимого человека позволяет говорить об иерархии жизненных ценностей молодых людей, живших в России в первой половине XX века. Взаимоотношения героев частушки хранят отпечаток народной этики, соответствуют православной концепции любви и дружбы. Так, герой частушки — *друг (сердечный друг), дружок (миленький дружок), дружочек*, а слово *любимый* встречается редко и вообще появляется позже, во второй половине XX века. Влюбленные не *встречались* (это слово отсутствует в первых частушках), а *гуляли*, что значило «вместе проводить время на гуляньях»; влюбленные называли друг друга *игровый — игровая, забава, утеха, отрада. Милый* из частушки — *любой, ненаглядный, дорогой, хороший* и т.д. Большинство лексем семантического поля «любовь» соотнесены с динамикой развития любовного чувства и культурными традициями эпохи.

Источники

Бурцев А.Е. Народный быт великого Севера. М., 1898.

Ехалов, Анатолий. Как у наших у ворот. Вологда, 2005.

Зеркало нравственной жизни народа (публикацию подготовил Ю. Максин) / Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 1992. Вып. 1. С. 176–184.

Сборник великорусских частушек / Под ред. Е.Н. Елеонской. М., 1914.

Симаков В.И. Сборник деревенских частушек. М., 1913.

Сказки, песни, частушки / Под ред. В.В. Гуры. Вологда, 1965.

Судаков Г.В. Записи частушек: Кадуйский район, 1960 г. (из архива автора).

Устюженская частушка 1920-х-1930-х годов // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 1995. Вып. 3. С. 445–461.

Устюженские частушки в записи Арапова (1908–1917 гг.) // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 4. С. 301–318.

Устюженские частушки периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 4. С. 319–340.

Частушки 1940–1950-х годов // Устюжна: краеведческий альманах. Вологда, 1995. Вып. 3. С. 462–490.

Литература

1. *Белов В.И.* Кануны // Василий Белов. Собр. соч. В 7 т. М., 2011. Т. 3. С. 124–125.
2. *Львов И.Я.* Новое время, новые песни. В. Устюг. 1891.
3. *Балов А.* Что поет наш народ // Северный край. 1902. № 133. С. 38.
4. *Вендина Т.И.* Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007. С. 242.
5. *Гурская С.Л.* Имена существительные общего рода, называющие любимого человека в ярославских говорах // Ярославский педагогический вестник. Ярославль. 2009. № 1.
6. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 759.
7. *Смирнов И.А.* Кирилловская частушка начала XX века как транслятор народной жизни // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Вологда. 2002. С. 139–153.
8. *Словарь русских народных говоров.* М. – Л., СПб., 1965 –.
9. *Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г.* СПб., 2006.
10. *ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд).* М., 1978. Вып. 5.
11. *МАС – Словарь русского языка.* В 4 т. 2-е изд. М., 1981–1984. Т. 4.

Вологодский государственный университет